

Поэтическая
библиотека

вероника долина

dolce

Вероника Аркадьевна Долина

Dolce

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=651005

Вероника Долина. Dolce: Время; Москва; 2011

ISBN 978-5-9691-0634-5, 978-5-9691-0632-1

Аннотация

Прошло некоторое время с момента выхода книги «Песни» (2006). Стихов (песен) у Вероники Долиной сделалось скорее два томика, чем один. В первом – она та же, какой была и остается. Во втором – какая есть и будет. Небольшая музыкальная составляющая каждого из стихотворений – порой орнаментальных, иногда ультимативных – сделала эти песни неотделимыми от реальной судьбы автора.

Содержание

Наум Коржавин	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вероника Долина

Dolce

В оформлении обложки использована фотография *Жени Дюрер*

Наум Коржавин

ПОЭЗИЯ ВЕРОНИКИ ДОЛИНОЙ

Вероника Долина на московском молодежном литературном горизонте появилась в конце семидесятых годов. Но я в своем прекрасном далеке о ее существовании узнал только в начале восьмидесятых – года через два или три после ее появления. Произошло это просто. Мои друзья, имевшие, в отличие от меня, возможность посещать Москву, познакомили меня с привезенной ими оттуда технически не очень удачной магнитофонной записью приблизительно десяти-двенадцати ее песен в авторском исполнении. Сделали они это неспроста, а чтобы доказать, что мое огульное отрицание тогдашней песенной поэзии несправедливо, и чтобы я сам увидел, что четыремя китами – Окуджавой, Галичем, Кимом и Высоцким – эта поэзия не исчерпывается.

И преуспели в этом – песни Долиной, которые я начал слушать с недоверием, заставили меня с этим согласиться. Вскоре в мои руки попала на этот раз уже полноценная запись большого ее выступления (предположительно в Черноголовке), и я не только утвердился в серьезном отношении к ней, но и стал активным, а может быть, первым пропагандистом и распространителем ее творчества в США и Канаде – переписывал на двухкассетнике и рассылал ее песни знакомым.

И многие мне были за это благодарны. Видимо, многим они оказались нужны и близки.

Чем же так привлекли тогда меня и других ее песни? Чем они выделялись на общем фоне?

Конечно, не только артистически-свободным течением стиха и его выразительностью. Это необходимо каждому, кто выступает со стихами, но этого недостаточно, чтобы стать нужным, близким. Песни Долиной обрадовали меня не только тем, что некоторые из них можно воспринимать и без музыки. Просто как стихи. Такое тоже встречалось.

И тех, и других – то есть публично напевающих собственные «тексты» (так «по-западному» это тогда уже стало называться) и при этом уверенных, что следуют Окуджаве, – появилось тогда довольно много. Но как ни называй, они не учитывали уникальности и значимости его индивидуальности. Не учитывали того, что она у него только проявилась в выборе этого жанра, а не появилась благодаря этому. Но их было много, и они мне к тому времени изрядно надоели. И на этом фоне достижения Вероники Долиной были для меня особенно впечатляющими. Они представляют собой не тексты, предназначенные для «обогащения музыкой», а самостоятельные произведения поэзии. Только особой – введенной у нас в обиход Булатом Окуджавой – песенной поэзии. В таких стихах музыка не дополняет текст, не по-своему интерпретирует текст (как музыка хороших композиторов на стихи хороших поэтов), а является органической, то

есть неотъемлемой частью его замысла. Короче, это никак не «песни на слова», а особый жанр поэзии, обозначенный мной чуть выше как песенная поэзия. Я увидел в Веронике Долиной настоящую последовательницу (конечно, творческую) Окуджавы, которого давно очень люблю и высоко ставлю именно как поэта. Это, конечно, усилило мою симпатию к ее творчеству и заставило меня сразу признать ее поэтом, что со мной случилось и случается очень нечасто.

То, что ее творчество – песенная поэзия, создает для меня терминологическую трудность: ее произведения я здесь буду называть то песнями, то стихами, но прошу не воспринимать это как путаницу – подходит и то, и другое обозначение.

Меня же главным образом поразило не то, что появился еще один полноценный представитель этого довольно редкого, хотя и притягательного вида поэзии (в конце концов, с творчеством настоящих поэтов, в том числе и молодых, я сталкивался и до этого), а то, что на этот раз субъектом поэтического самовыражения была женщина.

Подчеркиваю: самовыражения поэтического. Потому что «простого», то есть непоэтического самовыражения – пусть даже с применением последнего крика «мастерства» – было вокруг много.

Речь идет о самовыражении, видящем в самом себе начало и конец поэтического творчества, не знающем поэтического откровения, но видящем в самом себе это откровение. Это самовыражение самодостаточное, без потребности рас-

крыть в воплощаемом чувстве его живое соотношение с гармонией, причастие к Духу. Пастернак ведь не зря называл поэзию «скорописью Духа». В XX веке, после Ахматовой, а потом Цветаевой, таким безблагодатным самовыражением занялось множество людей, особенно женщин.

Сама Ахматова иронически отметила это: «Я научила женщин говорить,/ Но, боже, как их замолчать заставить!» Эти женщины (а часто и мужчины) не заметили того, что Ахматова была не просто самовыражающейся (сиречь обнажающей интимные переживания) женщиной, а великим поэтом. Впрочем, и теперь не все, как среди женщин, так и среди мужчин, понимают, что это не одно и то же.

Уникальность творчества Долиной состоит в том, что современная женщина заговорила сама. Не всегда о женской судьбе, но всегда из глубины этой судьбы. В истории русской поэзии она, конечно, не была первой. Из глубины своей женской судьбы писали и Ахматова, и Цветаева, и не они одни.

И женские судьбы этих гениальных женщин были не легче. Но все же было бы ошибкой не учитывать, что женские судьбы этих великих, поэтов *в годы их становления* коренным образом отличались от женских судеб *в годы становления* Вероники Долиной и ее сверстниц.

Касалось это положения и самоощущения женщины. Несмотря на все форсированное равноправие двадцатых и тридцатых годов, в общем принятое обществом, все равно женщина оставалась женщиной со всеми ее женскими

обязанностями. Тяжесть ее жизни определялась гораздо более элементарными, а от этого унижительными обстоятельствами, чем у их предшественниц. Не только беспросветностью бытовых тягот, «квартирным вопросом», но и колоссальной убылью мужчин во Второй мировой войне. Из-за чего несколько поколений женщин оказались обреченными на одиночество. К этому можно добавить закон о матерях-одиночках, практически отменявший мужскую ответственность за внебрачных детей. Это должно было стимулировать рождаемость, но только усугубляло унижительное положение женщины.

Трудно представить, чтобы женщина в таком положении (особенно простая) произнесла нечто вроде цветаевского «Вы женщине, как бокал, / печальную честь ухода / вручающий...» Строки, конечно, тоже трагические, но трагедия все же иная.

Вероники Долиной персонально послевоенная демографическая ситуация не коснулась, она – более позднего поколения. Но воздействие атмосферы, создавшейся в послевоенные годы, не кончилось с исчезновением создавшей ее ситуации, а стало надолго историко-культурным фактором, формирующим сознание (а больше подсознание) прежде всего женщин, но и мужчин тоже. Некую генетическую память.

Реакция на эту память определила многое в творчестве Долиной, особенно его начало. И сквозь эту дисгармонию

ее потребность в гармонии выводила ее к поэзии. Это было заслугой. Ибо многие ее сверстники, столкнувшись с этой тяжелой «прозой жизни», предпочитали ее не заметить, не размениваться на нее, а то и просто поэтизировать ее – лишь бы «талантливо». Поэзия вообще, как мне уже не раз приходилось говорить и писать, – это непосредственный и живой ответ (реакция) гармонии на дисгармонию бытия.

Самовыражение большинства становившихся мне известными претендентов на звание поэта вполне без этого обходилось. Тем более если речь идет о пишущих женщинах, естественно склонных преувеличивать эстетическую ценность своих переживаний, тонкости их нюансов. Таких стихов – часто вполне искренних и выразительных – становилось (и становится) все больше. И производят они некоторое – правда, не очень определенное и не очень сохраняющееся в памяти впечатление, но почему-то никого так не радуют, как обрадовали меня когда-то песни Вероники Долиной, тоже вполне женские по мироощущению и опыту.

А отличие простое. Стоящие за стихами переживания, вполне конкретные и по конкретному поводу, были в то же время реакцией и на вызвавшие их обстоятельства и на жизнь в целом, в свете *«требования от нее смысла и красоты»*. Это не техническое условие, а характер мироощущения, свойственный поэту. Собственно эта потребность (в сущности, потребность в поэзии) свойственна, как уже говорилось, человеческой душе вообще.

Но поэт тем и отличается, что по своей внутренней организации острее других ощущает соответствие или несоответствие переживаемого им или окружающей его жизни этому требованию, и сознательно или бессознательно воплощает это в творчестве. Это будет присутствовать в любом воплощаемом им переживании. Просто потому, что это свойственно его восприятию. И в составе такого переживания это требование воспроизводит себя в душе читателя.

Такова функция поэта в жизни. Ведь жизнь делает все, чтобы замутить это восприятие, это требование в душе человека, в душе поэта тоже. Но поэт прорывается к нему сквозь всю толщу напластований современной ему истории, и одаривает этим себя и других. Это всегда нелегко. Особенно в пережитую нами эпоху и особенно, как уже говорилось, женщине.

Неудивительно, что Москва стала воздухом ее поэзии. Ведь ей с раннего детства «Сретенка светила и Рождественка цвела».

Впрочем, и ощущение Москвы, и смены времен на этом фоне связано у Долиной не только с памятью детства. Стихотворение «Помилуй, Боже, стариков» наполнено сочувствием уходящему (тогда, – теперь ушедшему) поколению русской интеллигенции. За ними многое, хотя теперь это выглядит поблекшим:

И пожелтевшие листки

Забытого романа.
И золотые корешки
Мюссе и Мопассана,
Ветхи, как сами старики,
Немодны их одежды.

И все же:

Их каблуки, их парики,
Как признаки надежды.
А завершается уж совсем иным мотивом:
На них не ляжет пыль веков
Они не из таковских.
Помилуй, Боже, стариков —
Особенно московских.

В конце семидесятых — начале восьмидесятых, когда это было написано, и долго еще потом среди ее литературных сверстников было распространено представление о том, что драма времени — это некая частность, которая художника — он ведь ориентируется на вечность — особенно занимать не должна (того, что вечное в искусстве раскрывается в сиюминутном, многие из них и теперь не подозревают). Не знаю, отдала ли Вероника Долина дань этому поветрию, но эти стихи показывают, что она отнюдь не осталась чужда драме своего времени. Впрочем, ее прямые обращения к Галичу и Окуджаве показывают, что именно с этими авторами, отнюдь не отворачивавшимися от упомянутой драмы, она ощущала

близость. Она вообще всегда существовала и существует во времени. Не думаю, что Вероника тогда, в юности, формулировала это теоретически, просто она отчетливо чувствовала, что ей лично надо сказать. И этому следовала. Потому и состоялась.

Речь идет не о политической фронде, которой она никогда не занималась, а об игнорировании престижных псевдоэстетических требований. Такое игнорирование, а не фронда, требует сегодня от художника максимума самостоятельности.

Самостоятельность, способность слышать себя и следовать себе (в приобщении к гармонии, конечно) – необходимое условие творчества. Впрочем, соответствие гримасам времени иногда приносит и временный успех, но он проходит. Не просто с течением времени, а со сменой его гримас, сиречь мод, которые всегда на поверхности – в наше время они изошрились и выглядят часто вполне интеллектуально, даже, выражаясь по-восточному, превосходят саму интеллектуальность. Самостоятельность, способность услышать себя, которой, слава Богу, у Долиной достаточно (ибо на мой взгляд, есть что слышать) надежно защищает ее от этой напасти.

Проявляется это и в любовной лирике. Кстати, с этим простым жанром тоже не все так просто. Лирики вообще пишется теперь много, но ее авторы слишком часто игнорируют то, что когда-то Ольга Берггольц назвала «содержанием

чувства».

Стихотворение обостряет ощущение заложенной в нас потребности в гармонии, и это, как всегда, приносит нам наслаждение, пусть даже грустное.

Еще серьезней это проявляется в следующем стихотворении Вероники Долиной, на мой взгляд совершенно удивительном:

Меж нами нет любви... Какая-то прохладца,
Как будто бы у нас сердца оборвались.
И как ей удалось за пазуху пробраться? —
Должно быть мы с тобой некрепко обнялись.
Меж нами нет любви, не надо суесловья.
Но снова кто-то лжет и «да» рифмует с «нет».
И снова говорит: «любовь», «любви», «любовью» —
Холодные как лед, и чистые как снег.
Меж нами нет любви... Тогда какого черта
Мы тянем эту нить из вечного клубка?
...Затем, что не дано любви иного сорта.
И надо ж как-то жить — раз живы мы пока.

Об этом стихотворении при всей его простоте говорить очень сложно. Оно по сюжету не просто очень грустное, но какое-то безысходное. Почти антипоэтичное: мирится с отсутствием любви — куда уж дальше! Безусловно, оно отражает реальность.

На свете — не только в нашей пережившей столь страшные

кризисы стране, но везде – многие и многие вынуждены так или иначе обходиться без этого высокого чувства. Вынуждены с этим мириться. Но поэзия с этим мириться не может. Это то, потребность в чем, да и реальность чего она ставит во главу угла, чему обязана самым своим существованием и назначением. Одно дело – страдание от неразделенной любви, даже упреки возлюбленных за отказ разделить это чувство, а совсем другое – просто согласиться жить без любви. Хотя настоящая любовь одаряет далеко не всех, кто ее жаждет и ее достоин. А здесь речь идет именно об отказе от любви. И все же при этом живое впечатление от этой песни – отнюдь не безысходное. Ибо вопреки прямому утверждению, содержащемуся в завершающих строках, ни в стихотворении в целом, ни в самих этих строках примирения с тем, что приходится жить без любви, – нет. Есть только грустная констатация этого печального факта, а не согласие с ним. Это разговор пусть не с любовником, но все же с товарищем по несчастью. И та любовь, которой у них нет – все равно где-то есть, светит. И все же стихотворение говорит о любви, все равно утверждает высокое начало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.